

ВВЕДЕНИЕ

Циклическая динамика и некоторые проблемы мировой экономики

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг

Для мира, уже который год переживающего кризис, наступил момент истины – упоение «свободной» экономикой прошло, уступив место разочарованию и усталости от радикального, безудержного либерализма. На смену идет система, еще не получившая своего «изма». Очевидно, однако, что без мощной и систематической государственной активности экономике уже не обойтись. У новой модели будут, естественно, свои проблемы, но в любом случае для нас это движение вперед и, что очень важно, – движение в общем мировом тренде.

Другое дело, что любая смена моделей – это прежде всего смена идей, а значит, и людей, которые выступают их носителями. Поэтому данный процесс по определению не может быть безболезненным. И второй принципиальный момент: новая модель возникает как конструктивный результат общемирового кризиса, но для каждой страны этот кризис – свой, индивидуальный (подробнее см.: Гринберг 2015; 2016; Гринберг, Рубинштейн 2008).

В свете этого особое значение приобретает теория длинных волн, которая служит важнейшим инструментом как для адекватного понимания текущих мир-системных процессов, так и для их прогнозирования. Основоположником теории длинных циклов (или волн) является выдающийся российский социолог и экономист Н. Д. Кондратьев (2002 [1922]; 1988 [1923]; 1993 [1925]; 2002 [1926]; 2002 [1928]). Соответственно эти волны были названы кондратьевскими. Ученый в 1920-е гг. обратил внимание на то, что в долгосрочной динамике некоторых экономических индикаторов (начиная по крайней мере с конца XVIII в.) наблюдается определенная циклическая регулярность. Она заключается в том, что на смену фазам ускоренного роста соответствующих показателей приходят фазы их относительного спада или более медленного роста. Длительность одной волны составляет в среднем от 40 до 60 лет. Таким образом, циклы (волны) Кондратьева имеют достаточно строгую периодичность в течение как минимум двух веков подряд. Далее мы обозначаем их как К-волны. Каждая К-волна состоит из двух фаз примерно одинаковой длительности, то есть каждая фаза длится 20–30 лет. Одна из фаз – повышательная, или восходящая (А-фаза), – характерна тем, что всему ее периоду в целом (но с флуктуациями) свойственен ускоренный рост определенных важных показателей, например цен, ВВП и т. п. Другая фаза – понижательная, или нисходящая (в дальнейшем часто В-фаза), – характерна противоположной тенденцией. Всему ее периоду в целом (но с флуктуациями) свойственно падение (замедление) соответствующих показателей, например происходит снижение цен, падение темпов роста ВВП и т. п. (подробнее об этой теории см. *Главу 2*).

Очень важно отметить принципиальное различие в функционировании национальных и мировой экономик, которое не всегда учитывается. Дело в том, что

в современной мировой экономике на глобальном уровне нет сильного и отработанного механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне. Поэтому на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры в национальной рыночной экономике. Это выражалось и выражается в бумах и спадах среднесрочных жюгляровских циклов (см., например: Juglar 1862; 1889 [1862]; Туган-Барановский 1894; 2008 [1913]; Schumpeter 1939; Гринин, Коротаев 2010; 2012; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; 2010б; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Grinin, Korotayev, Malkov 2010), а также в виде восходящих и нисходящих фаз длинных кондратьевских циклов.

Отметим, что сам Н. Д. Кондратьев первым попытался разработать теорию таких колебаний конъюнктуры (Кондратьев 2002 [1922]; 1988 [1923]; 1993 [1925]; 2002 [1926]; 1928; 2002 [1928]; 2002), но данный феномен был замечен и описан намного раньше (см. подробнее в *Главе 3*). У современной мировой экономики есть и другие признаки, которые позволяют переносить на нее некоторые феномены, уже почти ушедшие в прошлое в связи с государственным регулированием. О некоторых мы писали в своих работах (см., например: Гринин, Коротаев 2010; 2012: Гл. 2; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; 2010б).

Необходимо продвинуться в понимании органической, хотя и весьма нелинейной и непростой связи между среднесрочными и долгосрочными экономическими циклами. Эта задача тем более важна, что едва ли не со времен Й. Шумпетера в этом плане не было каких-то заметных сдвигов. Прежде всего достаточно очевидно, что если каждая фаза кондратьевской волны длится 20–30 лет, в нее укладываются от двух до четырех среднесрочных жюгляровских циклов, а в среднем в одну кондратьевскую волну (40–60 лет) вмещается 4–6 циклов (7–11-летних) Жюгляра. Кроме того, в длинные волны встраиваются более короткие (20–30-летние) ритмы С. Кузнеца, причем природа взаимодействия между ними и длинными волнами еще не до конца изучена. В отношении объяснения природы взаимодействия между длинными волнами, циклами Кузнеца и Жюгляра тем не менее уже получены предварительные результаты о возможной воспроизводственной природе этой связи с механизмом внедрения инноваций разной степени радикальности и разных типов (технологические, организационные).

Между средними и длинными циклами имеется и более глубокая связь. Известно, что на нисходящих фазах кондратьевских волн периоды депрессии жюгляровских циклов оказываются более затяжными, а подъемы – более вялыми. На восходящих фазах ситуация меняется: подъемы становятся более сильными и длительными, фазы депрессии сокращаются, а кризисы обычно проходят быстрее. В фазе подъема кондратьевской волны амплитуда ритма Кузнеца более высокая, а амплитуда и продолжительность ритма Кузнеца понижающей фазы более низкая и короткая. В аспекте межциклических взаимодействий в процессе перехода от спада к подъему важно изучить механизм инвестиций в основной капитал, который опосредует внедрение технологических инноваций и является ключевым экономическим механизмом цикла, и выявить, как этот механизм меняется в период финансовой нестабильности, определяющей специфику современной глобальной экономики.

Для понимания влияния длинных волн на долгосрочную экономическую динамику очень важно видеть взаимосвязь длинных волн и волн базисных инноваций. Напомним, что история длинных циклов тесно связана с появлением, развитием и сменой так называемых технологических укладов, которые представляют собой систему ведущих в определенный момент технологий и способов их применения.

Каждая новая кондратьевская волна вызывается витком базисных технологических инноваций, возникших на понижательной фазе предшествующей волны. Прорывные инновации открывают обширную нишу для расширения производства и вызывают приток инвестиций. Длинная волна идет на подъем. В результате формируются новые сектора экономики, образующие новый технологический уклад. Последний в конечном счете перестраивает всю хозяйственную жизнь и в итоге создает новую техно-экономическую парадигму. Однако инновации распространяются в течение достаточно длительного времени, соответственно и процесс перестройки экономики занимает от 20 до 30 лет. На первых порах отдача от новых технологий высокая. Но когда они широко распространяются, отдача от них резко снижается. Тогда наступает понижательная фаза длинного цикла. Она характерна более медленным и трудным экономическим развитием, однако именно в процессе преодоления этих трудностей формируются изобретения и инновации нового технологического уклада. Затем формируется ядро нового технологического уклада и начинается подъем новой волны. Выделяется шесть таких технологических укладов (шестой – предполагаемый для периода 2020–2060-х гг.). О роли инноваций в длинноволновой динамике, о технологических укладах, включая и прогнозируемый шестой, см. в *Главах 2 и 7* данной монографии.

Укажем здесь только на некоторые из наших выводов в отношении связи инноваций, длинных волн и среднесрочных экономических циклов. Более глубокие по своим проявлениям кризисно-депрессивные фазы среднесрочных циклов на понижательной фазе кондратьевской волны неизбежно требуют от общества также более глубоких и радикальных инноваций, причем не только в технико-технологическом аспекте, но и в социально-правовом, политическом, идеологическом и культурном аспектах, в системе международных и – шире – мир-системных связей. Иначе общество не сможет преодолеть негативные последствия экономических кризисов и выйти из депрессии.

Только глубокие изменения в самых разных сферах общества, а также новые подходы к регулированию экономики позволяют в конце концов обеспечить переход к значимому подъему. В результате происходит переход к новой системе отношений, которая открывает для экономик возможности развиваться в ближайшие десятилетия уже не со столь кризисными проявлениями. Однако поскольку дальнейшее развитие идет сравнительно мягко, то и потребность в реформировании и обновлении отношений слабеет. Отсюда происходит накопление противоречий и структурных пороков системы, которые через некоторое время начинают проявляться (уже на качественно новом уровне развития) в виде более жестко и/или длительно протекающих рецессий и депрессий, а само развитие идет с менее длительными и бурными фазами подъемов.

Иначе говоря, повышательная фаза исчерпывает потенциал структурных изменений предыдущих десятилетий и сменяется понижательной фазой. Таким образом, в большей мере через среднесрочные циклы понижательные/нисходящие

фазы кондратьевских волн как бы сами подготавливают для себя условия для трансформации в повышательные/восходящие. И, в свою очередь, меньшая острота кризисно-депрессивных фаз жюгляровских циклов на повышательных фазах кондратьевских волн обуславливает их поворот к понижательным фазам. Именно такой поворот после определенной эйфории, как представляется, мы и наблюдаем в настоящее время. Вот почему наиболее тяжелыми кризисами становятся кризисы, так сказать, «поворотные», от повышательной фазы к понижательной и наоборот (в частности, произошедшие в 1847, 1873, 1929, 1973 г.), к которым относится и последний глобальный кризис.

Важное значение в рамках данной монографии придается анализу взаимосвязи между сменой технологических укладов и парадигм, с одной стороны, и динамикой кондратьевских волн – с другой; анализу длительности повышательных и понижательных фаз, выявлению тенденций к сокращению периода кондратьевских волн, что используется для построения экономических макропрогнозов. Большую роль играет и выявление органической связи между экономическими циклами разной длительности, что используется для определения силы различных факторов, ответственных за возникновение кризисов, и разработки рекомендаций по смягчению циклической динамики.

Экономический кризис (крах, спад и депрессия) – это наиболее драматическая часть экономического среднесрочного жюгляровского цикла. Кризисы всегда являются результатом предшествующего активного роста, поскольку этот рост неизбежно создает структурные напряжения не только в экономике, но и в обществе в целом (институты общества рассчитаны на определенный объем и масштаб явлений и процессов). Но, разумеется, все кризисы при некоторых сходствах протекают по-разному. Кроме того, заметно отличаются они в зависимости от того, на какой – повышательной или понижательной – фазе длинной кондратьевской волны они случаются (см.: Кондратьев 2002: 380–381; см. также: Гринин, Коротаев 2014; Grinin, Korotayev, Tausch 2016)¹.

Практически любые циклические кризисы связаны с расстройством (падением или даже обвалом) денежного (золотовалютного) обращения, биржевых курсов акций и других ценных бумаг (облигаций, векселей и т. п.), с различного рода спекуляциями (в том числе акциями, сырьем, земельной и жилищной недвижимостью, участками, богатыми полезными ископаемыми и т. п.)².

¹ Н. Д. Кондратьев, в частности, отмечал: «Характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмем средние циклы, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмем средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда – средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами» (Кондратьев 2002: 380–381). Это верно, с той только существенной поправкой, что, как нами было установлено, не среднесрочные J-циклы зависят от характера фазы K-волны, как считал Кондратьев, а, напротив, характер кластера J-циклов в значительной мере и определяет характер фазы K-волны (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2014; Grinin, Korotayev, Tausch 2016).

² Это дает некоторым аналитикам основания говорить, что все финансовые кризисы, начиная со знаменитой «тюльпановой лихорадки» XVII в. в Голландии, развиваются по одной схеме (см., например: Minsky 1983; 1985; 1986; 2005). При существенной верности этого вывода (в том числе в психологическом плане) он все же является значительным упрощением, поскольку каждый финансовый, тем более экономический, кризис имеет многофакторный характер (см.: Хаберлер 2008; Гринин, Коротаев 2010), в каждом налицо

Поэтому чисто экономических (в смысле – чисто промышленных) кризисов практически не бывает и, возможно, даже не может быть. Экономические кризисы всегда связаны с кризисами в области обращения во многих, а нередко и во всех сферах экономики: банковско-кредитной, золотовалютной, биржевой, внешнеторговой, в оптовой и розничной торговле, области движения капиталов, эмиссии ценных бумаг, сфере спекуляций различными ценностями, включая недвижимость. В некоторых случаях именно эти сферы являются ведущими в плане основного вектора кризиса, в других – ими являются процессы, протекающие в легкой или тяжелой промышленности, строительстве и транспорте (в которых создаются чрезмерные запасы, возникают слишком большие объемы производства, долгосрочных инвестиций, чрезмерные долги по кредитам и т. п.). Баланс такой «ответственности» за кризис в каждом случае (и в каждой стране в период даже одного мирового кризиса) может быть весьма различным. Кризисы в области обращения, связанные с расстройством в области финансов, фондов, бирж, торговых операций, могут предшествовать промышленным (экономическим), проходить одновременно с ними или случаться позже. Кризисы обращения в этом случае обычно угнетающе действуют на всю экономику. Таким образом, спад в разных секторах экономики и кризис обращения выступают как взаимосвязанные проявления фаз рецессии и депрессии в экономическом цикле.

Однако нередко кризисы *нециклического типа*, случающиеся в сфере банков, обмена валют, бирж, отдельных областей торговли, спекуляций и прочих институтов, которые не затрагивают народное хозяйство и экономику в целом в такой мере, как циклические. Нециклические кризисы обращения имеют сравнительно узкий или специальный характер. Иными словами, такие кризисы могут быть сильными и острыми, но не являться частью циклических экономических кризисов (такой кризис может вообще не повлиять на ход цикла, например не прервать фазу подъема).

Теснейшая связь между обращением и промышленностью становится еще более понятной, если учесть важность для развития промышленности объемов товарных запасов, стоимости транспортных перевозок товаров, колебаний спроса на промышленные товары со стороны торговли, цены аренды и прочих услуг, а все это невообразимо сложно переплетено с кредитными, валютными и прочими сферами. И стоит произойти сбою или резкому перепаду в какой-либо части этого сложного механизма, и он начинает работать совсем не так, как ожидается его участниками. Например, если спекулянты – в надежде, что цены на сырье, топливо или иные ресурсы, необходимые в промышленности, начнут повышаться – станут скупать эти ресурсы, чтобы усилить их дефицит и искусственно «вздусть» на них цены, а цены вопреки ожиданиям прекратят рост, то это может привести к негативным последствиям. Сначала к чрезмерному предложению данных ресурсов (деньги-то необходимо вернуть), падению цен на них, разорению части спекулянтов и поддерживающих их банков, а затем к обвалу экономики в целом, при котором пострадают уже много других участников экономического процесса, в том числе промышленники, биржевики, торговцы, банки, выдавшие им всем кредит, вкладки и т. п. Другими сферами, где особенно тесно переплетаются промышленные и финансовые интересы, являются: учредительство новых фирм и акционерных обществ (куда вкладывается капитал большого числа финансовых

особое сочетание причин плюс собственные важные особенности, что всегда делает его непохожим на другие (см. также: Хансен 1959).

учреждений и частных лиц)³, строительство жилой недвижимости, продажа земельных участков и т. п.

Исследованию указанных и ряда других одновременно фундаментальных и актуальных вопросов был посвящен проект № 14-02-00330 Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн». Новизна поставленной в рамках проекта задачи заключается в том, чтобы: 1) органично связать теорию длинных (кондратьевских) волн с теорией среднесрочных (жюгляровских) циклов; 2) более точно установить влияние на экономические подъемы и кризисы объективных и субъективных факторов циклов разной периодичности; 3) выявить влияние инноваций на экономическую динамику на разных фазах циклов; 4) использовать теорию длинных волн в совокупности с теорией смены технологических укладов для построения научно обоснованных прогнозов⁴.

В данной монографии, подготовленной по результатам работы проекта РГНФ⁵, проблематика кризисов и прогнозов в свете теории длинных волн получает самое разностороннее освещение.

Монография начинается с *Главы 1 («Н. Д. Кондратьев: его наследие и роль его взглядов в анализе современных экономических проблем и тенденций»)*, где рассматривается наследие Н. Д. Кондратьева и его значимость для решения поставленных в монографии вопросов. Показывается, что идеи Кондратьева не ограничиваются теорией больших циклов и кризисов. Он сформулировал и другие продуктивные теории. В главе, в частности, уделено внимание его исследованию соотношения сущего и должного, а также генетического и телеологического подходов.

Далее следует **Часть I («Длинные волны, технологическая и инновационная динамика»)**, состоящая из четырех глав (*Главы 2–5*).

В *Главе 2 («Длинные волны в мир-системной перспективе»)* показано, что анализ длинных экономических циклов помогает понять долгосрочную динамику развития Мир-Системы, позволяет строить прогнозы, но также очень многое проясняет в понимании прошлых кризисов и современного глобального экономического кризиса. В главе К-волны представлены как особая форма цикличности, возникающая в индустриальный период, а также проведен анализ взглядов на их природу. Дается исторический и теоретический анализ динамики кондратьевских волн в рамках Мир-Системы, в частности, анализируется влияние длинноволновой динамики на изменения мирового ВВП в течение последних полутора веков. Показаны взаимосвязи между кондратьевскими и жюгляровскими циклами. Глава основана на большом статистическом материале, используется математический аппарат, приведены многочисленные диаграммы и графики. На основании проведенных исследований сделаны некоторые прогнозы развития мировой экономики

³ М. И. Туган-Барановский говорил (2008 [1913]: 317): «Всякому кризису обязательно предшествует грюндерство – устройство огромного числа новых предприятий. Но ведь грюндерство есть не что иное, как создание нового основного капитала страны».

⁴ Важность данного пункта дополнительно объясняется тем, что теория длинных циклов в совокупности с теорией смены технологических укладов является одной из немногих в экономической науке, которая позволяет строить научно обоснованные прогнозы.

⁵ Результаты работы участников проекта изложены и в целом ряде других работ.

в ближайшие 10–20 лет. Завершает главу раздел, в котором высказывается предположение о том, что чередование фаз А и В кондратьевской волновой динамики значимо коррелирует с фазами флуктуаций во взаимоотношениях центра и периферии Мир-Системы.

В *Главе 3 («О некоторых аспектах истории исследования длинноволновой динамики»)* продолжается рассмотрение проблем наследия Н. Д. Кондратьева, начатое в *Главе 1*. Среди исследователей длинных волн, в том числе и среди кондратьеведов, распространено представление, что Кондратьев открыл длинные волны цен. На самом деле это не так. Настоящая глава посвящена изучению не столько современного состояния исследований длинноволновой динамики, сколько некоторых аспектов начальной истории этих исследований, поскольку они изучены недостаточно, а систематизированы слабо, до сих пор нет систематического изложения их ранних периодов. Настоящая глава не претендует на системность в описании этих аспектов, но в ней сделана попытка уточнить и прояснить ряд моментов, а также показать, в чем неверность некоторых распространенных ошибочных утверждений. В отличие от добросовестного заблуждения, описанного выше, в том, что Кондратьев открыл длинные волны, иногда встречается и противоположное ему: Кондратьев ничего нового не внес (а то, что внес, неправильно) и, по сути, заимствовал идею длинных волн и их структуры у других, прежде всего у своего учителя М. И. Туган-Барановского. Насколько это заблуждение «добросовестное», показано в данной главе.

В *Главе 4 («Теория экономической динамики Н. Д. Кондратьева и современные длинноволновые процессы»)* на основе разделения экономической динамики на кумулятивные и потоковые процессы предложен подход к объяснению эндогенного механизма длинных волн с учетом финансовых, ресурсно-энергетических, информационных и инновационных факторов. Показана специфика преодоления депрессии длинных волн в экономиках догоняющего типа. Выявлена специфика четвертой и пятой длинных волн экономического развития, показаны причины торможения инновационного процесса в пятой длинной волне. Установлены особенности фазы спада пятой длинной волны в США и России на основе анализа разнонаправленных тенденций формирования денежной массы и инфляции, определяющих возможности для промышленного роста, смены энергоносителей и внедрения пакета инноваций шестого технологического уклада.

В *Главе 5 («Длинные волны в экономике: институциональный аспект»)* рассматривается влияние институциональной среды на немонотонность экономического развития, на формирование стимулов и ограничений как для технологического, так и для самого институционального развития. Представлен подход к исследованию этого влияния, основывающийся на выделении двух типов институциональной среды (Acemoglu, Robinson 2012): с преобладанием инклюзивных и с преобладанием экстрактивных институтов. Инклюзивные институты стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, позволяют им реализовывать свои способности и навыки. Экстрактивные институты направлены на то, чтобы выжать доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части. Отмечается, что способность одних и тех же институтов служить разным целям существенно ограничивает возможности этого подхода. Особое внимание уделяется тому, насколько однозначно определяется соответствие институциональной и технологической структур экономики. В этой связи в качестве важной задачи рассматривается преодоление технологического

детерминизма, тяготеющего к линейной модели экономического развития, которой соответствует ориентация на унификацию экономических институтов стран, находящихся на близком уровне технологического развития. Отмечается, что принципиальным фактором дивергенции (расхождения) траекторий исторических изменений является сам характер экономических институтов, многие из которых формируются в результате коллективного выбора, а сам такой выбор является результатом политического процесса. Обосновывается, что сфера действия инклюзивных институтов должна не ограничиваться активизацией инноваций, а охватывать и поддержку гуманистических тенденций в развитии технологий. Такая поддержка особенно актуальна в период смены длинных волн экономического развития.

Часть II («Циклы, кризисы, прогнозы») состоит из двух глав (*Главы 6–7*).

В *Главе 6 («Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства»)* рассматриваются изменения в развитии восходящей волны большого цикла начала XXI в., связанные с замедлением роста и другими негативными тенденциями в экономике развитых стран. Проанализированы причины модификаций: обострение глобальной конкуренции, усиление роли технологической ветви НТП по сравнению с конструкторской, а также опережающий рост предложения рабочей силы по сравнению с капиталом. Оцениваются перспективы развития мирового хозяйства до 2040 г.

В *Главе 7 («О шестом технологическом укладе»)* на базе теории принципов производства и производственных революций показана взаимосвязь между К-волнами и крупнейшими технологическими переворотами в истории, а также сделаны прогнозы об особенностях шестой К-волны в свете идущей с 1950-х гг. кибернетической революции. Предполагается, что шестая кондратьевская волна в 2030–2040-х гг. сольется с завершающей фазой кибернетической революции (которую мы назвали фазой самоуправляемых систем). Этот период будет характеризоваться прорывом в медицинских технологиях, которые смогут объединить вокруг себя множество других и в целом составят комплекс *МАНБРИК-технологий (медицинских, аддитивных, нано-, биотехнологий, робототехники, информационных, когнитивных технологий)*. В главе даются некоторые прогнозы развития данных технологий.

Часть III («Центр – периферия. Процессы модернизации и кризисы») состоит из четырех глав (*Главы 8–11*).

В *Главе 8 («Дивергенция и конвергенция в мировой экономике»)* показано, что Великая дивергенция XIX в. – это процесс не просто расхождения в уровне развитости Европы и остального мира, но и создания нового типа мировой экономической системы, в которой хозяйства разных стран включаются в единую мирохозяйственную или мироторговую систему (но с весьма разными ролями, прежде всего в виде центра, полупериферии и периферии) в составе Мир-Системы в современном смысле слова. Вместе с тем продемонстрировано, что почву для перелома тенденции на конвергенцию подготовили следующие моменты: резко возросшая необходимость Запада и СССР по разным причинам быть в союзе с развивающимися странами; необходимость поставить под контроль ряд негативных процессов в развивающихся странах и разработка соответствующих стратегий, научных идей, программ и т. п.; изменение структуры экономики в западных странах, что потребовало переноса индустриальных производств в развивающиеся страны; пробуждение интеллигенции и стремления к модернизации; роль раз-

вивающихся стран в поставках сырья, особенно нефти, и как источника дешевой и минимально квалифицированной рабочей силы. В конце концов, во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми странами по уровню развития человеческого капитала до уровня, обеспечившего реальную возможность переноса очень большого числа производств из центра на периферию Мир-Системы, что вызвало резкое усиление потока из развитых стран в развивающиеся технологий и капитала и запустило процесс Великой конвергенции. В этом плане можно сказать, что Великая конвергенция была запущена новой волной глобализации, начавшейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Показано, что начавшаяся в последней четверти XX в. Великая конвергенция – это объективный результат развития мировой экономики в целом, итог развития экономики и политики как развитых, так и развивающихся стран (причем вольный или невольный вклад развитых стран в этот итог выглядит даже более высоким, чем самих развивающихся), это способ поддержания благополучия западных государств в условиях охватившего их демографического кризиса, возможность создания более широкого основания для дальнейшего инновационного развития мира.

В Главе 9 («Модернизация и социально-политические кризисы») рассматривается тема государства и государственности – одна из важнейших в социальных науках. В этом плане можно считать неслучайным рост интереса к такому аспекту, как национальное или государственное строительство в молодых государствах, а также к проблеме так называемых несостоявшихся или недееспособных государств (*failed states*). Эти вопросы важно рассматривать не только в современном аспекте, но также в исторической ретроспективе и в широком, мир-системном масштабе. В настоящей главе данные проблемы анализируются в различных аспектах, масштабах и ракурсах.

В Главе 10 («Математическое моделирование социально-экономических циклов в историческом развитии») предпринята попытка описать с единых позиций логику возникновения длинных социально-экономических циклов в аграрных и индустриальных обществах. Показана перспективность использования динамических методов моделирования для анализа нестационарных (циклических) социально-экономических эволюционных процессов.

В Главе 11 («Афразийская зона нестабильности и анализ глобальных дестабилизационных рисков в свете теории длинных волн») показано, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности. При этом он чем-то напоминает первый (после 1919 г.) фазовый переход, который случился в начале 1960-х гг. и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности государств и народов и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. Фазовый переход начала 2010-х гг. был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, мобильная телефония, «Твиттер» и другие социальные сети и т. п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до

2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Часть IV («Новый взгляд на проблему кризисов и прогнозов») состоит из *Главы 12 («Новый взгляд на проблему кризисов и прогнозов»)* и *Главы 13 («Прогнозирование будущего: новая парадигма»)*.

В этих главах используются идеи Н. Д. Кондратьева, в частности развитие не решенных им до конца проблем позволило автору этих глав сформулировать новый методологический инструментарий и его фундаментальные и практические возможности. Во-первых, разработана новая парадигма прогнозирования будущего из будущего. Во-вторых, выявлены закономерности развития человеческого сообщества, позволившие понять объективные причины системного кризиса в России и мире. В-третьих, обоснованы стратегия и механизм перехода к новому экономическому росту или к парадигме развития без кризисов. В-четвертых, в данных главах также показаны пути и основные контуры формирования прежнего разрозненного по многим узким дисциплинам знания в новую трансдисциплинарную научную парадигму, в основе которой лежит мировоззренческий подход.

Завершает монографию **Заключение («Приближающийся кризис в свете теории длинных волн»)**. В нем дан конкретный пример использования прогнозирования кризисов при помощи теории длинных волн. С начала кризиса 2008 г. мир вступил в полосу развития, которую для многих стран можно охарактеризовать как кризисно-депрессивную и в целом как период замедленного экономического развития мировой экономики. В эти несколько лет наблюдаются необычные экономические явления, включая количественные смягчения, дефляцию, нулевые или отрицательные процентные ставки, а также негативные тенденции в виде фондовых «пузырей», роста государственной задолженности, падения объемов мировой торговли и т. д. С опорой на теорию длинных волн делается прогноз, что во второй половине 2017-го – 2018 г. западная экономика «сползет» в новый экономический кризис, а депрессивная полоса продлится еще в течение ряда лет.

Библиография

- Гринберг Р. С. 2015.** Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации. *Век глобализации* 1(15): 166–182.
- Гринберг Р. С. 2016.** Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысленная роль государства в экономике. *Кондратьевские волны: циклическая динамика в прошлом и настоящем: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 109–130. Волгоград: Учитель.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. 2008.** *Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика.* М.: ИЭ РАН.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** *Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014.** Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов). *Кондратьевские волны: длинные и*

- среднесрочные циклы: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 15–73. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010а.** Математическая модель среднесрочного экономического цикла. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 292–304. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010б.** Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис. *История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 233–284. М.: ЛИБРОКОМ/ URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Кондратьев Н. Д. 1928.** *Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждения в Ин-те экономики* (Совместно с Опариным Д. И.). М.: Рос. ассоц. н.-и. ин-тов обществ. наук, Ин-т экономики.
- Кондратьев Н. Д. 1988 [1923].** Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам). *Мировая экономика и международные отношения* 9: 64–76.
- Кондратьев Н. Д. 1993 [1925].** Большие циклы конъюнктуры. В: Кондратьев Н. Д., *Избранные сочинения*, с. 24–83. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002 [1922].** Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. В: Кондратьев 2002: 40–341.
- Кондратьев Н. Д. 2002 [1926].** Большие циклы экономической конъюнктуры. В: Кондратьев 2002: 341–400.
- Кондратьев Н. Д. 2002 [1928].** Динамика цен сельскохозяйственных и промышленных товаров. В: Кондратьев 2002: 401–502.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*. М.: Экономика.
- Туган-Барановский М. И. 1894.** *Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова.
- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913].** *Периодические промышленные кризисы*. М.: Директмедиа Паблишинг.
- Хаберлер Г. 2008.** *Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний*. Челябинск: Социум.
- Хансен Э. 1959.** *Экономические циклы и национальный доход*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Acemoglu D., Robinson J. A. 2012.** *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business.
- Grinin L., Korotayev A., Malkov S. 2010.** A Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis. *History & Mathematics. Processes and Models of Global Dynamics* / Ed. by L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, A. Tausch, pp. 138–187. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Springer International Publishing Switzerland.
- Juglar C. 1862.** *Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis*. Paris: Guillaumin.

- Juglar C. 1889 [1862].** *Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis.* 2ème ed. Paris: Alcan.
- Minsky H. P. 1983.** The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and an Alternative to “Standard” Theory. *John Maynard Keynes. Critical Assessments /* Ed. by J. C. Wood, pp. 282–292. London: Business & Economics.
- Minsky H. P. 1985.** The Financial Instability Hypothesis: A Restatement. *Post-Keynesian Economic Theory: A Challenge To Neo Classical Economics /* Ed. by P. Arestis, T. Skouras, pp. 24–55. Brighton: M. E. Sharpe.
- Minsky H. P. 1986.** *Stabilizing an Unstable Economy.* New Haven, CT: Yale University Press.
- Minsky H. P. 2005.** *Induced Investment and Business Cycles.* Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles.* New York: McGraw-Hill.